

Ань Мо застыл на месте, в его глазах на миг мелькнули отчаяние и пустота. Но лишь на мгновение — всё тут же исчезло.

Пальцы Чжоу Лояня, сжимавшие подбородок омеги, напряглись. Так он и замер, глядя на Ань Мо в ярком свете дворцового фонаря. Он пытался прочесть хоть что-то на этом лице: гнев, разочарование, боль, пусть даже насмешку — ему казалось, что Ань Мо обязан хоть как-то отреагировать на его выходку. Свет заливал ночь, превращая её в подобие дня, где ни одна тайна не могла укрыться. Однако взломать маску Ань Мо ему не удалось.

Чжоу Лоянь не знал, что его омега просто онемел от боли. Ань Мо не смел кричать, боясь, что это ничего не изменит, боясь стать в глазах Чжоу Лояня ещё более жалким.

Шло время. Чжоу Лоянь скривил губы, чувствуя себя полным идиотом, и отпустил омегу. Алкоголь, который он выпил, давно осел в желудке, словно глоток крови.

Затем он медленно подошёл к Ань Мо, бережно взял его похолодевшие пальцы и, поднеся к губам, легко поцеловал:

— Брат, ты вернулся.

Холод от рук Ань Мо разлился по всему телу. Чжоу Лоянь разжал пальцы и улыбнулся — чисто и невинно. Одной рукой он обнял Ань Мо за тонкую талию, другой запустил пальцы в его мягкие волосы, прижимая голову омеги к своей груди. Он склонился, и в его голосе проступила сдерживаемая, тёмная жестокость:

— Братец Ань Мо, ты ещё помнишь? Когда-то, в подобном месте, один ничтожный, презренный мальчишка очень долго ждал тебя и очень долго смотрел на тебя. Он хотел задать тебе один вопрос, и ты тогда дал ответ... — ответ, ставший последней соломинкой, сломавшей хребет верблюду. — Брат, ты не забыл?

Сердце Ань Мо, уже покрытое коркой льда, внезапно дрогнуло.

Шесть лет назад, в такую же снежную зимнюю ночь. Высокий альфа в одной тонкой рубашке пришёл к роскошному, полному ароматов залу, где проходил бал. Его остановили у входа, но он, не отрываясь, смотрел на омегу, танцующего в зале с другим молодым альфой. Позже омега заметил его и подошёл. Впервые в жизни альфа в своей тонкой рубашке почувствовал неловкость и собственную никчёмность, но всё же посмотрел на омегу с горячей надеждой: Брат, я хочу спросить тебя об одном.

А что было потом?

Омега не ответил на его вопрос, а он сам больше не смог его задать. События понеслись, словно взбесившийся конь. Его трепетное чувство к омеге ещё не успело перерасти в любовь, как пылкое сердце было внезапно залито холодом. Годы шли, всё изменилось, и когда альфа наконец задал этот вопрос, полученный ответ уничтожил последние остатки его нежности и

терпения к омеге.

Но что с того? Теперь этот презренный альфа обрёл достаточно власти, чтобы контролировать омегу, некогда погасившего его пыл. Любит ли он его? Хочет ли по-настоящему мучить? Он не знал.

Но...

Чжоу Лоянь ласково улыбнулся и прошептал Ань Мо на ухо:

— Брат, я больше не позволю тебе уйти от меня.

Кровь Ань Мо отхлынула от лица. Он поднял взгляд на Чжоу Лояня и обнаружил, что теперь тот смотрит на него с ледяным равнодушием.

— Чжоу Лоянь, ты...

Альфа крепко схватил его за запястье и, не обращая внимания на изумлённые взгляды окружающих, потащил прочь, направляясь к третьему этажу. Ань Мо не смог вырваться, и Чжоу Лоянь с силой швырнул его на кровать в комнате отдыха.

<http://bllate.org/book/21440/2191262>